

Александр Сергеевич Пушкин, <i>Пиковая дама</i> (1834) http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol08/y082225-.htm	Aleksandr S. Puškin, <i>La donna di Picche</i>, introduzione di Eridano Bazzarelli, traduzione di Silvio Polledro, Milano, BUR, 1999.
[I] — А каков Германн! — сказал один из гостей, указывая на молодого инженера: — отроду не брал он карты в руки, отроду не загнул ни одного паролы, а до пяти часов сидит с нами, и смотрит на нашу игру! — Игра занимает меня сильно, — сказал Германн: — но я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее. — Германн немец: он расчетлив, вот и всё! — заметил Томский. [...] [II] Германн был сын обрусевшего немца, оставившего ему маленький капитал. Будучи твердо убежден в необходимости упрочить свою независимость, Германн не касался и процентов, жил одним жалованьем, не позволял себе малейшей прихоти. Впрочем, он был скрытен и честолюбив, и товарищи его редко имели случай посмеяться над его излишней бережливостью. Он имел сильные страсти и огненное воображение, но твердость спасла его от обыкновенных заблуждений молодости. Так, например, будучи в душе игрок, никогда не брал он карты в руки, ибо рассчитал, что его состояние не позволяло ему (как сказывал он) <i>жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее</i>, — а между тем, целые ночи просиживал за карточными столами, и следовал с лихорадочным трепетом за различными оборотами игры. Анекдот о трех картах сильно подействовал на его воображение, и целую ночь не выходил из его головы. — Что, если, думал он на другой день вечером, бродя по Петербургу: что, если старая графиня откроет мне свою тайну! — или назначит мне эти три верные карты! Почему ж не попробовать своего счастья?.. Представиться ей, подбититься в ее милость, — пожалуй, сделаться ее любовником, — но на это всё требуется время — а ей восемьдесят семь лет, — она может умереть через неделю, — через	[I] “Ma com’è Ghermann!” disse uno degli ospiti, indicando un giovane ufficiale del genio, “in vita sua non ha preso una carta in mano, in vita sua non ha raddoppiato una puntata, e se ne sta con noi fino alle cinque a guardare il nostro gioco.” “Il giuoco m’interessa fortemente”, disse Ghermann, ma non sono in grado di sacrificare il necessario per acquistare il superfluo.” “Ghermann è un tedesco: è economo, ecco tutto!” osservò Tomski. [...] [II] Ghermann era figlio di un tedesco russificato, che gli aveva lasciato un piccolo capitale. Fermamente convinto della necessità di assicurare la propria indipendenza, Ghermann non toccava nemmeno gl’interessi, viveva del solo stipendio, non si permetteva il minimo capriccio. Del resto era chiuso e ambizioso, e i suoi compagni di rado avevano occasione di canzonare la sua soverchia pasimonia. Aveva violente passioni e un’immaginazione ardente; ma la fermezza lo aveva salvato dai consueti errori della gioventù. Così, per esempio, giocatore nell’anima, non pigliava mai le carte in mano, perché calcolava che la sua sostanza non gli permetteva (come diceva lui) di “sacrificare il necessario nella speranza d’acquistare il superfluo”, e intanto passava intere notti alle tavole da giuoco e seguiva con febbrile palpitazione le varie vicende del giuoco. L’aneddoto delle tre carte aveva agito fortemente sulla sua immaginazione e per tutta la notte non gli era uscito di capo. “Ebbene” pensava la sera del giorno dopo, vagando per Pietroburgo “ebbene, se la vecchia contessa mi svelasse il suo segreto? o mi designasse quelle tre carte? Perché mai non tentar la propria fortuna?... Presentarmi a lei, cercar d’entrarle in grazia; diventarne magari l’amoroso; ma per tutto questo ci vuole tempo, e lei ha ottantasett’anni; può morire tra una settimana, tra due giorni!...E l’aneddoto stesso? Ci si può

два дня! .. Да и самый анекдот? .. Можно ли ему верить? .. Нет! расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утроит, усмерит мой капитал, и доставит мне покой и независимость! —

Рассуждая таким образом, очутился он в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры. Улица была заставлена экипажами, кареты одна за другою катились к освещенному подъезду. Из карет поминутно вытягивались то стройная нога молодой красавицы, то гремучая ботфорта, то полосатый чулок и дипломатический башмак. Шубы и плащи мелькали мимо величавого швейцара. Германн остановился.

— Чей это дом? — спросил он у углового будочника.

— Графини ***, — отвечал будочник.

Германн затрепетал. Удивительный анекдот снова представился его воображению. Он стал ходить около дома, думая об его хозяйке и о чудной ее способности. Поздно воротился он в смиренный свой уголок; долго не мог заснуть, и, когда сон им овладел, ему пригрезились карты, зеленый стол, кипы ассигнаций и груды червонцев. Он ставил карту за картой, гнул углы решительно, выигрывал беспрестанно, и загребал к себе золото, и клал ассигнации в карман. Проснувшись уже поздно, он вздохнул о потере своего фантастического богатства, пошел опять бродить по городу, и опять очутился перед домом графини ***. Неведомая сила, казалось, привлекала его к нему. Он остановился, и стал смотреть на окна. В одном увидел он черноволосую головку, наклоненную, вероятно, над книгой или над работой. Головка приподнялась. Германн увидел свежее личико и черные глаза. Эта минута решила его участь.

[...]

[III]

Но Германн не унялся. Лизавета Ивановна каждый день получала от него письма, то тем, то другим образом. Они уже не были переведены с немецкого. Германн их писал, вдохновенный страстию, и говорил языком, ему свойственным: в них выражались и непреклонность его желаний, и беспорядок необузданного воображения.

credere?...No, economia, moderazione e assiduità: ecco le mie tre carte sicure, ecco ciò che triplicherà, settuplicherà il mio capitale e mi procurerà quiete e indipendenza!” Ragionando in tal modo, si trovò in una delle vie principali di Pietroburgo, davanti a una casa d’antica architettura. La via era ingombra di cocchi; le carrozze una dietro l’altra rotolavano verso un ingresso illuminato. Dalle carrozze a ogni istante s’allungava fuori ora lo snello piedino d’una giovane beltà, ora un rumoroso stivale alla dragona, ora una calza a righe e uno scarpino di diplomatico. Pellicce e mantelli baluginavano dinanzi al maestoso guardaportone. Ghermann si fermò.

“Di chi è questa casa?” domandò alla guardia di servizio all’angolo.

“Della contessa ***” rispose la guardia.

Ghermann sussultò. Il meraviglioso aneddoto si ripresentò alla sua immaginazione. Si mise a camminare rasente la casa, pensando alla padrona di essa e alla sua prodigiosa facoltà. Ritornò tardi al suo umile angoluccio; a lungo non poté addormentarsi, e quando il sonno lo vinse, gli apparvero in sogno le carte, la tavola verde, fasci di carta moneta e mucchi di marengi. Egli giocava una carta dopo l’altra, raddoppiava risoluto la posta, vinceva senza posa e rastrellava a sé l’oro, e riponeva gli assegnati in saccoccia. Destatosi ch’era già tardi, sospirò la perdita della sua fantastica ricchezza, andò nuovamente a zonzare per la città e si ritrovò davanti alla casa della contessa ***. Una forza ignota pareva avercelo attirato. Si fermò e prese a guardar le finestre. A una scorse una testolina dai capelli neri, china verosimilmente su un libro o su un lavoro. La testolina si sollevò. Ghermann vide un visetto fresco e due occhi neri. Quell’istante decise la sua sorte.

[...]

[III]

Ma Ghermann non si frenò. Lizaveta Ivanovna, ogni giorno riceveva da lui delle lettere, ora in quello, ora in altro modo. Non erano più tradotte dal tedesco. Ghermann le scriveva ispirato dalla passione, e parlava il linguaggio a lui proprio: in esse si esprimevano e l’inflessibilità del suo desiderio, e il disordine di una sfrenata

[...]

Германн ее отворил, увидел узкую, витую лестницу, которая вела в комнату бедной воспитанницы... Но он воротился и вошел в темный кабинет.

Время шло медленно. Все было тихо. В гостиной пробило двенадцать; по всем комнатам часы одни за другими прозвонили двенадцать — все умолкло опять. Германн стоял, прислонясь к холодной печке. Он был спокоен; сердце его билось ровно, как у человека, решившегося на что-нибудь опасное, но необходимое. Часы пробили первый и второй час утра, — и он услышал дальний стук кареты. Невольное волнение овладело им. Карета подъехала и остановилась. Он услышал стук опускаемой подножки. В доме засуетились. Люди побежали, раздались голоса и дом осветился. В спальню вбежали три старые горничные, и графиня, чуть живая, вошла, и опустилась в вольтеровы кресла. Германн глядел в щёлку: Лизавета Ивановна прошла мимо его. Германн услышал ее торопливые шаги по ступеням ее лестницы. В сердце его отозвалось нечто похожее на угрызение совести, и снова умолкло. Он окаменел.

[...]

[V]

Он проснулся уже ночью: луна озаряла его комнату. Он взглянул на часы: было без четверти три. Сон у него прошел; он сел на кровать, и думал о похоронах старой графини.

В это время кто-то с улицы взглянул к нему в окошко, — и тотчас отошел. Германн не обратил на то никакого внимания. Чрез минуту услышал он, что отпирали дверь в передней комнате. Германн думал, что денщик его, пьяный по своему обыкновению, возвращался с ночной прогулки. Но он услышал незнакомую походку: кто-то ходил, тихо шаркая туфлями. Дверь отворилась, вошла женщина в белом платье. Германн принял ее за свою старую кормилицу, и удивился, что могло привести ее в такую пору. Но белая женщина, скользя, очутилась вдруг перед ним, — и Германн узнал графиню!

— Я пришла к тебе против своей воли, — сказала она твердым голосом: — но мне

иммaginazione.

[...]

Ghermann l'aprì, scorse la stretta scala a chiocciola che guidava alla camera della povera protetta... Ma egli si volse ed entrò nello studio buio.

Il tempo scorreva lento. Tutto era quieto. In salotto batterono le dodici; in tutte le stanze gli orologi, uno dopo l'altro, suonarono le dodici, e tutto tacque di nuovo. Ghermann stava in piedi, appoggiato alla stufa fredda. Era calmo; il suo cuore aveva un battito eguale, come d'un uomo risoltosi a qualcosa di rischioso, ma inevitabile. Gli orologi batterono l'una e le due del mattino, ed egli sentì lo strepito lontano di una carrozza. Un'involontaria agitazione s'impadronì di lui. La carrozza s'avvicinò e si fermò. Egli udì il colpo del montatoio abbassato. Nella casa si misero in moto. I servi accorsero, risonarono voci e la casa s'illuminò. Nella stanza da letto entrarono correndo tre vecchie cameriere, e la contessa, più morta che viva, entrò e si lasciò cadere in una poltrona alla Voltaire. Ghermann guardava da una fessura. Lisaveta Ivanovna gli passò accanto. Ghermann udì i passi affrettati di lei sui gradini della sua scala. Nel cuore di lui si fece sentire qualcosa di simile a un rimorso di coscienza e tornò a tacere. Egli s'irrigidì.

[...]

[V]

Si svegliò ch'era notte: la luna rischiava la sua stanza. Guardò l'orologio; eran le tre meno un quarto. Il sonno gli era passato; sedette sul letto e pensò ai funerali della vecchia contessa.

In quel mentre dalla via qualcuno gli gettò un'occhiata attraverso la finestra e subito si scostò. Di lì a un minuto sentì che aprivano la porta nella stanza d'ingresso. Ghermann pensava che il suo attendente, ubriaco come al solito, rientrasse da una passeggiata notturna. Ma udì un passo sconosciuto: qualcuno camminava, fruscando piano con le pantofole. L'uscio si aprì: entrò una donna in veste bianca. Ghermann la scambiò per la sua vecchia nutrice e si domandò stupito che cosa potesse condurla a quell'ora. Ma la donna in bianco, scivolando, gli comparve d'un tratto davanti, e Ghermann riconobbe la contessa!

“Son venuta da te contro la mia volontà,” disse ella con voce ferma “ma mi è stato comandato di esaudire la tua preghiera. Tre, sette e asso in

велено исполнить твою просьбу. Тройка, семерка и туз выиграют тебе сряду, — но с тем, чтобы ты в сутки более одной карты не ставил, и чтоб во всю жизнь уже после не играл. Прощаю тебе мою смерть, с тем, чтоб ты женился на моей воспитаннице Лизавете Ивановне...

С этим словом она тихо повернулась, пошла к дверям, и скрылась, шаркая туфлями. Германн слышал, как хлопнула дверь в сенях, и увидел, что кто-то опять поглядел к нему в окошко.

Германн долго не мог опомниться. Он вышел в другую комнату. Денщик его спал на полу; Германн насилу его добудился. Денщик был пьян по обыкновению: от него нельзя было добиться никакого толку. Дверь в сени была заперта. Германн возвратился в свою комнату, засветил свечку, и записал свое видение.

[VI]

Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же, как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место. Тройка, семерка, туз — скоро заслонили в воображении Германна образ мертвой старухи. Тройка, семерка, туз — не выходили из его головы и шевелились на его губах. Увидев молодую девушку, он говорил: — Как она стройна!.. Настоящая тройка червонная. У него спрашивали: который час, он отвечал: — без пяти минут семерка. — Всякий пузастый мужчина напоминал ему туза. Тройка, семерка, туз — преследовали его во сне, принимая все возможные виды: тройка цвела перед ним в образе пышного грандифлора, семерка представлялась готическими воротами, туз огромным пауком.

[...]

Чекалинский стал метать, руки его тряслись. Направо легла дама, налево туз.

— Туз выиграл! — сказал Германн, и открыл свою карту.

— Дама ваша убита, — сказал ласково Чекалинский.

Германн вздрогнул: в самом деле, вместо туза у него стояла пиковая дама. Он не верил

tua mano vinceranno di seguito, ma a patto che nelle ventiquattr'ore tu non giuochi più di una carta, e che poi in vita tua non giuochi più. Ti perdono la mia morte, purché tu sposi la mia protetta Lizaveta Ivanovna..."

Ciò detto, si voltò adagio, andò alla porta e scomparve, frusciando con le pantofole. Gherman sentì com'ella sbatté l'uscio nel vestibolo, e vide che qualcuno tornò a guardarlo attraverso la finestra.

Ghermann a lungo non poté riaversi. Passò nell'altra stanza. Il suo attendente dormiva sul pavimento; Ghermann a fatica riuscì a destarlo. L'attendente era ubriaco, secondo il solito; non era possibile cavarne nulla di sensato. La porta verso l'anticamera era chiusa. Ghermann rientrò in camera sua, accese la candela e prese nota della sua visione.

[VI]

Due idee fisse non possono sussistere insieme nella natura morale, così come due corpi non possono nel mondo fisico occupare uno stesso posto. Tre, sette e asso ben presto offuscarono nell'immaginazione di Ghermann la figura della vecchia morta, Tre, sette e asso non uscivano dalla sua testa e si muovevano sulle sue labbra. Vedendo una giovinetta, diceva: "Com'è ben fatta! Un vero tre di cuori". Gli domandavano: "Che ore sono?", rispondeva: "Un sette meno cinque". Ogni uomo panciuto gli rammentava l'asso. Tre, sette e asso lo perseguitavano in sogno, assumendo tutti gli aspetti possibili; il tre fioriva davanti a lui in forma di splendida grandiflora, il sette si presentava a guisa di portone gotico, l'asso d'un enorme ragno.

[...]

Čekalinski diede le carte, le sue mani tremolavano. A destra si rovesciò una donna, a sinistra un asso.

"L'asso vince!" disse Gherman, e scoprì la sua carta.

"La vostra donna ha perduto!" disse gentilmente Čekalinski.

Ghermann rabbrivì: infatti, invece dell'asso, gli stava vicino la donna di picche. Egli non credeva ai suoi occhi, non comprendendo come avesse potuto sbagliar di presa.

In quell'istante gli parve che la donna di picche ammiccasse sorridendo. La straordinaria

своим глазам, не понимая, как мог он обдернуться. В эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась. Необыкновенное сходство поразило его... — Старуха! — закричал он в ужасе.	somiglianza lo colpì... “La vecchi!” gridò nello sgomento.
---	--